

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПРАВОСЛАВИЯ И КАТОЛИЦИЗМА НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЙ

В.В. ТАБУНОВ

Могилев, УО «МГУ им. А.А. Кулешова»

Религия всегда занимала заметное место в жизни белорусов. Не утратила она своей значимости и на рубеже XIX – XX веков. Специфика конфессиональной ситуации в Беларуси на протяжении многих веков определяется поочерёдным доминированием католицизма и православия. Другие религии также оставили заметный след в истории Беларуси, но первая роль в религиозной жизни белорусских земель почти всегда принадлежала православной церкви и римско-католическому костёлу. Изучение же вопроса взаимоотношений между двумя ведущими христианскими конфессиями позволит более правильно осмыслить и понять религиозные процессы современности.

Взаимоотношения между основными христианскими конфессиями на белорусских землях конца XIX – начала XX столетий – православием и католицизмом, складывались непросто. Помимо различий в области догматики и культа сказывалось и негласное соперничество за влияние на местное население, которое, в свою очередь, дополнялось противоречиями политического характера. Православная церковь активно выступала за тесную интеграцию Северо-Западного края в общеимперский организм. Римско-католический костёл, наоборот, стремился подействовать на сохранение и, по мере возможности, укреплению в крае идеи былого могущества Речи Посполитой. Ситуация усугублялась ещё и тем, что в

сознании населения прочно закрепилось отождествление вероисповедной принадлежности с национальной: православный – русский, католик – поляк. Власти Российской империи путём предоставления различных льгот и привилегий православию и ограничения деятельности римо-католицизма также оказывали влияние на характер взаимоотношений между церковью и костёлом, тем самым вольно или невольно способствуя сохранению определённой напряжённости между ними.

Противоречия на конфессиональной почве зачастую возникали именно в повседневной жизни белорусов. Так, начальник Витебского губернского жандармского управления 25 сентября 1900 г. докладывал витебскому губернатору о том, что его помощником подполковником А.В. Озерецковским в Двинском, Режицком, Себежском и Люцинском уездах были выявлены несколько случаев проявления местным ксендзом нетерпимости и презрения к лицам православного вероисповедания.

Первый случай заключался в том, что «крестьянка М.О. Жунба, римско-католического вероисповедания, находясь в любовной связи с каноником четвёртой батареи первой резервной артиллерийской бригады С.В. Гвоздевым, православного вероисповедания», 9 сентября умерла во время родов. Умер и родившийся ребёнок. Когда же знакомые покойной обратились с просьбой к настоятелю Креславского костёла, ксендзу В. Малаховскому совершить не обходимые духовные требы над умершей, то он не только отказался, но и воспретил это другим викарным ксендзам [1, л. 1-10б.].

Второй случай произошёл 23 июня 1899 г. в деревне Мателях Креславской волости: «родные крестьянина Д.Ю. Силова, 86 лет, просили того же ксендза Малаховского об исповеди названного крестьянина, находившегося в тяжёлом болезненном состоянии». Прибывший для исполнения этого обряда Креславский викарный, ксендз К. Терелеус «отказался исповедовать больного старика в его квартире, а требовал, чтобы его вынесли для исповеди на улицу», так как внук крестьянина Силова, Л.Ф. Носович, живший с ним, был женат на православной и в доме Силова были православные иконы. Требование ксендза К. Терелеуса не было исполнено и он уехал, не исповедовав больного старика. Последний был исповедан вечером того же числа, младшим викарным ксендзом С. Епилевичем, причём, во избежании повторения отказа от исповеди, православные иконы, принадлежащие Л.Ф. Носович, были сняты со стены и спрятаны в сундук [2, л. 2-2об.].

Подполковник А.В. Озерецковский при этом был убеждён, что поступок ксендза К. Терелеуса был вызван влиянием ксендза В. Малаховского [3, л. 2об.-3]. В итоге действий правительственных органов ксендз В. Малаховский был отстранён от своей должности настоятеля Креславского костёла [4, л. 16].

Пересечение интересов православной церкви и римско-католического костёла происходило и в сфере образования. В Северо-Западном крае важное политическое значение придавалось правительственной школе. Суть дела заключалась в том, что при твёрдо выдержанном направлении учебно-воспитательной деятельности школы, «помимо своих прямых задач, могла бы развивать в сознании учеников, а через них и в массе иноверного населения, уважение к русскому правительству» [5, л. 39].

Доходило до того, что в «классных комнатах вешали православные иконы, и преимущественно тех православных святых, которые не канонизированы римской церковью, чтобы при каждом удобном случае стараться пропагандировать православие». Такие «передовые» методы приводили к тому, что «крестьяне целыми волостями стали отказываться отдавать детей в школы, говоря, что их детей там будут обращать в православие» [6, с. 104].

В плане укрепления позиций правительственной школы в крае много сделал попечитель Виленской учебной округа Н.А. Сергиевский. При нём были открыты четыре учительские семинарии, в которых для усиления влияния православной религии на учащихся было введено обязательное посещение богослужений. По ходатайству Н.А. Сергиевского 7 февраля 1892 г. вышел указ о признании русского языка обязательным для обучения закону божьему в начальных училищах представителей римско-католического вероисповедания [7, с. 107]. Практически не изменилось положение и при его преемнике В.А. Попове.

Замечим, что указом Николая II от 25 июня 1897 г. практика общей молитвы перед занятиями для всех учащихся-христиан была заменена индивидуальной молитвой по вероисповеданиям. Это «произвело благоприятное воздействие на неправославное население» [8, с. 106].

На ошибки, допускаемые в сфере начального образования, обращал внимание императора виленский генерал-губернатор П.Д. Святополк-Мирский. Для снятия напряжённости он счёл нужным пойти на некоторые уступки католическому духовенству: с января 1904 г. ксендзам, преподававшим закон божий в народных училищах, стали выдавать деньги. Был несколько снижен штраф за тайное обучение [9, с. 97–98, 106]. Но существенных перемен так и не произошло.

Православные священники были убеждены, что тайные школы «имели большое значение в деле перехода населения в католицизм». Однако «связь римско-католического духовенства с этими школами нельзя рассматривать односторонне – она имела разные формы, изменялась в связи с переменной политической ситуации, положения костёла и политики властей в этом вопросе». Тайные школы с польским языком обучения получили распространение в силу нескольких причин. В первую очередь необходимость изучения польского языка была вызвана религиозными потребностями. К тому же в восприятии населения, да и самого духовенства деятельность на ниве образования рассматривалась как одна из функций костёла [10, с. 65]. Считалось, что настоящим католиком был только тот, кто умел читать молитвенник. Именно этот стимул являлся ведущим в стремлении католиков дать своим детям образование [11, с. 60, 87–88]. Обучение в тайных школах носило преимущественно религиозный характер, осуществлялось учителями с низким уровнем образования, которые сами едва умели читать и писать по-польски [12, с. 151].

Для борьбы с распространением тайного обучения 3 апреля 1892 г. властями были приняты правила, согласно которым лица, уличённые в открытии тайных школ, подвергались штрафу до 300 рублей или аресту сроком до трёх месяцев [13, л. 38–38об.].

Несмотря на предпринятые меры, факты обучения детей в подпольных школах продолжали иметь место. Из числа выявленных в 1899–1902 гг. тайных школ большинство было учреждено для христиан – 146, для евреев – 50 и только в 2-х школах совместно обучались и те, и другие. По губерниям они распределялись следующим образом: Гродненская – 54, Минская – 49, Виленская – 19, Витебская – 18, Могилёвская – 3. В христианских школах большинство учащихся – 90% – составляли католики (из 1081 ученика их было 944). Зачастую грамоте обучались совместно православные и католики. Учителями в тайных школах были преимущественно католики. Обучением занимались и лица, имеющие право преподавания в частных домах. Они тоже подпадали под действие правил от 3 апреля 1892 г. [14, л. 4об.–5, 11об.].

Поскольку вводящиеся санкции против тайных школ не приносили должного результата, правительство было вынуждено внести коррективы в проводимую политику. 1 апреля 1902 г. появилось положение о церковно-приходских школах. С этого времени они предназначались специально для

учащихся православного вероисповедания, а с 1904 г. сеть церковно-приходских школ расширялась только в Витебской, Могилёвской и Минской губерниях. В Виленской и Гродненской губерниях рекомендовалось распространить начальные школы Министерства народного просвещения [15, с. 338].

Римско-католическое духовенство в целях ограничения влияния православных священников на своих прихожан запрещало им отправлять детей в низшие учебные заведения Синода, полагая, что детям католиков не идёт на пользу посещение церковно-приходских школ.

В июне 1899 г. Виленский епископ С. Зверович обратился к министру внутренних дел И. Горемыкину, отмечая ненормальное положение религиозного воспитания в народных училищах и церковно-приходских школах: для детей католиков, которые должны были молиться по православному обряду. Он требовал выдать во всех начальных школах учебники для учащихся-католиков, ввести свободное посещение ими костёла, а также иметь в каждой школе законоучителя-католика.

Министр посоветовал в случае возникновения недоразумений обращаться к генерал-губернатору. 22 января 1902 г. в письме к гродненскому губернатору епископ писал, что главной целью церковно-приходских школ является «борьба с католицизмом и насаждение среди детей поляков чужих религиозных принципов». Ответа не последовало [16, с. 64].

12 февраля 1902 г. Виленский епископ С. Зверович в циркуляре за № 509, обращенном к духовенству епархии, писал об отрицательном влиянии церковно-приходских школ и школ грамоты на католическое население [17, л. 2об.-3]. Всему духовенству епархии предписывалось следить за тем, чтобы «католические дети не посещали сказанных школ» [18, л. 4]. За свои действия епископ Зверович был отстранён от занимаемой должности и сослан в Тверь. Но уже в начале ноября 1902 г. по императорскому указу он был назначен сандомирским епископом, а министр внутренних дел В.К. Плеве признал, что С. Зверович стал жертвой ошибочной политики местных властей, которые активно распространяли православие среди католиков [19, с. 65].

20 марта 1902 г. гродненский губернатор рекомендовал полицмейстерам и исправникам губернии обратить особое внимание на деятельность римско-католического духовенства в отношении школ, поскольку после циркуляра епископа Зверовича в некоторых уездах губернии (Сокольский, Волковысский, Слонимский, Бельский, Пружанский) церковно-приходские школы были «фактически упразднены», из них начался массовый уход учеников-католиков [20, л. 9об.-10]. Например, в Виленской губернии в Дукштанской школе из 41 ученика осталось 5, в Гелванской из 75 – 38, Ширвинской из 89 – 62 и так далее [21, с. 96].

Примечательно, что циркуляр не был отменён ни одним из преемников епископа С. Зверовича.

Желая выяснить ситуацию с учебными заведениями и преподаванием в них учащимся-католикам закона божьего, могилёвская римско-католическая консистория указом от 18 сентября 1903 г. потребовала предоставить ей соответствующую информацию. Выяснилось, что преподаванием данного предмета учащимся-католикам в основном занимались православные священники или светские учителя и редко – ксендзы. Бывали случаи, когда такой предмет католикам вообще не преподавался [22].

Борьба правительства с тайным обучением не могла принести успехов одними запретительными мерами, поскольку тайные школы были тесно связаны с костёлом. Католическое же духовенство, используя своё влияние в данных школах, стремилось к культурной ассимиляции белорусских крест-ян-католиков, причислявших себя к полякам [23, с. 60, 87–88].

Сложными были взаимоотношения между православной церковью и римско-католическим костёлом в области заключения смешанных браков. Смысл проблемы заключался в том, что обе стороны рассматривали данное явление как одно из средств по укреплению своего положения в крае. К тому же одну из главных причин переходов в католицизм православное духовенство видело в смешанных браках. На это обращали внимание в своих донесениях священники Минской и Полоцкой епархий [24, с. 111].

Учитывая конфессиональную пестроту населения белорусских губерний, где смешанные браки были достаточно распространённым явлением, а также желая взять процесс их заключения под свой контроль, правительство 11 мая 1891 г. вводит новые правила о вступлении в брак лиц, принадлежащих к разным вероисповеданиям. Согласно этим правилам, бракосочетание «лица римско-католического исповедания с лицом православного исповедания» могло быть совершено только в православной церкви при условии, что католическая сторона представляла православному притчу удостоверение, выданное местной полицией, о своём внебрачном состоянии и «правоспособности ко вступлению в брак» [25, л. 121].

Несмотря на эти правила, католики, вступающие в брак с православными, продолжали обращаться за предбрачными свидетельствами к ксендзам, которые, зная, что брак будет заключён по обычаям православной церкви, под разными предлогами затрудняли выдачу свидетельств [26, л. 4–4об.–5, 9, 12].

Смысл поступков католических священников заключался в руководстве ими папским декретом «*Ne temere*», распространение которого было разрешено Департаментом духовных дел иностранных исповеданий среди римско-католического епископата в 1904 г. Этот декрет являлся очень важным для католиков в каноническом отношении. Поэтому власти и не стали его задерживать, хотя его положения и противоречили законодательству империи. Так, браки, заключённые католиками с представителями другого вероисповедания не по правилам католической церкви, признавались недействительными. Департамент высказал надежду, что наличие соответствующих законодательных актов по данному вопросу не будет провоцировать католическое духовенство на нарушение законов. Однако эти надежды не сбылись. Ксендзы нарушали законы, ссылаясь на папский декрет [27, с. 112].

Таким образом, столкновение российских и польских интересов, в котором концепция «большого русского народа» (великорусы-малорусы-белорусы) противостояла почти зеркальная польская конструкция (поляки-литвины-русины), а польским соответствием западных губерний служили восточные кресы, в конце XIX – начале XX столетий переплеталось с борьбой между православием и католицизмом за сферы влияния на белорусских землях. Составной частью этой борьбы являлись конфликты между католическим и православным клиром, распространявшиеся и на простых верующих. Иногда католическое население переносило свои обиды за религиозные ограничения со стороны властей на православных [28, с. 94].

Рассуждая о конфликтах между православными и католиками, А. Луцкевич отмечал, что «вследствии борьбы между православным и католическим духовенством в среде крестьян-белорусов одной и той же деревни начиналась рознь и борьба» [29, с. 181].

Осуждал «политикоманию» как католического, так и православного духовенства общественно-политический деятель И.-К.О. Корвин-Милевский [30, с. 4, 5–6].

Между православным священником и католическим ксендзом «иногда можно было наблюдать добрососедские отношения», от чего выигрывали обе

пасты – и православная, и католическая, поскольку «при мнре пастырей устранились разные несогласия и между их пасомыми» [31, с. 388]. Однако такие отношения между католическим и православным духовенством являлись исключением. Обычно они с недоверием относились друг к другу. Суть вопроса заключалась в том, что взаимоотношения между православием и католицизмом чаще всего строились на идее собственного вероисповедного превосходства [32, с. 12].

Литература

1. НИАБ. – Фонд 1430. Витебский гражданский губернатор. – Оп. 1. – Д. 44507. Дело о неблаговидной деятельности настоятеля Креславского костёла Малаховского и викарного Терелеуса по отношению к лицам православного исповедания 1900–1901 гг.
2. НИАБ. – Фонд 1430. Витебский гражданский губернатор. – Оп. 1. – Д. 44507. Дело о неблаговидной деятельности настоятеля Креславского костёла Малаховского и викарного Терелеуса по отношению к лицам православного исповедания 1900–1901 гг.
3. НИАБ. – Фонд 1430. Витебский гражданский губернатор. – Оп. 1. – Д. 44507. Дело о неблаговидной деятельности настоятеля Креславского костёла Малаховского и викарного Терелеуса по отношению к лицам православного исповедания 1900–1901 гг.
4. НИАБ. – Фонд 1430. Витебский гражданский губернатор. – Оп. 1. – Д. 44507. Дело о неблаговидной деятельности настоятеля Креславского костёла Малаховского и викарного Терелеуса по отношению к лицам православного исповедания 1900–1901 гг.
5. ГАРФ. – Фонд 543. Коллекция рукописей Царскосельского дворца. – Оп. 1. – Д. 413. Записка (обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева) о передаче в духовное ведомство заведования церковными постройками в Привисленском крае. Всеподданнейшее донесение протопресвитера военного и морского духовенства А. Желобовского об осмотре в 1910 г. церковью Туркестанского военного округа. Записка без подписи об участии учеников-католиков и лютеран в торжественных молебствиях и школьных молитвах, совершаемых по православному обряду. Записка К. Пасхалова «Положение Холмской православной епархии в 1905 г.». Всеподданнейшая записка С.Ю. Витте о необходимости образовать особое совещание из представителей православной церковной иерархии и сведущих лиц для пересмотра существующего церковного управления и выработки проекта преобразований. Всеподданнейшая записка князя М. Путятина о церковных делах 1905 г. Очерк статс-секретаря Куломзина «Нужды церковного дела на Сибирской дороге и в Забайкалье 1898 г.». Докладная записка о необходимости восстановления прихода в качестве церковно-общественной единицы 1904 г. «Вопросы», составленные Санкт-Петербургским митрополитом о желательных преобразованиях в постановке у нас православной церкви 1905 г. Записка «О современном положении православной церкви 1905 г.». Донесение от 21 мая 1904 г. председателя комиссии, образованной при Государственном контроле для выяснения вопросов о беспрепятственном удовлетворении Военного и Морского ведомств в артиллерийских предметах, тайного советника А.В. Васильева Государственному контролёру о деятельности Обуховского завода по производству вооружений и о потребностях Военного и Морского ведомств 1898, 1901, 1904–1905 гг., б/д.
6. Комзолова, А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ / А.А. Комзолова. – М.: Наука, 2005. – 383 с.

7. Снапкоўская, С.В. Канфесіянальная палітыка ў галіне адукацыі ў Беларусі (60-я гг. XIX ст. – 1917 г.) / С.В. Снапкоўская // Адукацыя і Выхаванне. – 1999. – № 5–6. – С. 106–111.
8. Всеподданнейший отчёт Виленского, Гродненского и Ковенского генерал-губернатор П.Д. Святополк-Мирского Николаю II / падрыхт. да друку М. Біч, В. Пінчук // Беларускі гістарычны часопіс. – 1997. – № 2. – С. 94–117.
9. Всеподданнейший отчёт Виленского, Гродненского и Ковенского генерал-губернатор П.Д. Святополк-Мирского Николаю II / падрыхт. да друку М. Біч, В. Пінчук // Беларускі гістарычны часопіс. – 1997. – № 2. – С. 94–117.
10. Ганчар, А.І. Тайная польская школа і рымска-каталіцкі касцёл ў Беларусі (1864–1905 гг.) / А.І. Ганчар // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сер. гум. навук. – 2006. – № 1. – С. 65–73.
11. Токць, С. Беларуская вёска на мяжы эпох. Змены этнічнай самасвядомасці сялянства ва ўмовах распаду традыцыйнага грамадства (па матэрыялах Гарадзеншчыны XIX – першай трэці XX ст.) / С. Токць. – Гродна: ГрДУ, 2003. – 191 с.
12. Radzik, K. Między zbiorowoscia etniczna a wspolnota narodowa. Bialorusini na tle przemian narodowych w Europie Srodkowo-Wschodniej XIX stulecia / R. Radzik. – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2000. – 301 s.
13. НИАБ. – Фонд 2001. Могилёвский гражданский губернатор. – Оп. 1. – Д. 2044. Дело о тайном обучении детей 1906 г.
14. НИАБ. – Фонд 2001. Могилёвский гражданский губернатор. – Оп. 1. – Д. 1922. Дело о наложении штрафа на лиц, занимающихся тайным обучением детей 1904 г.
15. Асвета і педагогічная думка на Беларусі: са старажытных часоў да 1917 г. / пад рэд. С. Лазарука. – Мінск: Народная асвета, 1985. – 464 с.
16. Смалянчук, А.Ф. Палякі Беларусі і Літвы ў рэвалюцыі 1905–1907 гг. / А.Ф. Смалянчук. – Гародня: Рагуша, 2000. – 204 с.
17. НИАБ в Гродно. – Фонд 1. Гродненский гражданский губернатор. – Оп. 18. – Д. 853. Переписка с уездным исправником и Виленской католической епархией о вмешательстве католического духовенства в дела церковно-приходских училищ 1902 г.
18. НИАБ в Гродно. – Фонд 1. Гродненский гражданский губернатор. – Оп. 18. – Д. 853. Переписка с уездным исправником и Виленской католической епархией о вмешательстве католического духовенства в дела церковно-приходских училищ 1902 г.
19. Смалянчук, А.Ф. Палякі Беларусі і Літвы ў рэвалюцыі 1905–1907 гг. / А.Ф. Смалянчук. – Гародня: Рагуша, 2000. – 204 с.
20. НИАБ в Гродно. – Фонд 1. Гродненский гражданский губернатор. – Оп. 18. – Д. 1081. Дело по ходатайству римско-католического духовенства о разрешении употреблять польский язык в официальной переписке римско-католического духовенства 1906–1911 гг.
21. Смалянчук, А.Ф. Касцёл і царква: змаганне за уплыў / А.Ф. Смалянчук // Адукацыя і Выхаванне. – 1993. – № 3. – С. 94–100.
22. НИАБ. – Фонд 1781. Могилёвская римско-католическая консистория. – Оп. 5. – Д. 39. О законе божием, преподаваемом ученикам и ученицам римско-католического исповедания в учебных заведениях Могилёвской архиепархии 1903–1905 гг.
23. Токць, С. Беларуская вёска на мяжы эпох. Змены этнічнай самасвядомасці сялянства ва ўмовах распаду традыцыйнага грамадства (па матэрыялах Гарадзеншчыны XIX – першай трэці XX ст.) / С. Токць. – Гродна: ГрДУ, 2003. – 191 с.

24. Яноўская, В.В. Хрысціянская царква ў Беларусі. 1863–1914 гг. / В.В Яноўская. – Мінск: БДУ, 2002. – 199 с.
25. НИАБ в Гродно. – Фонд 1. Гродненский гражданский губернатор. – Оп. 9. – Д. 44. Циркуляры МВД о порядке вызова войск для подавления народных волнений в общественных местах, об отмене подушной подати и другое 1893 г.
26. НИАБ. – Фонд 1430. Витебский гражданский губернатор. – Оп. 1. – Д. 42945. Дело по предоставлению режизким исправником следствия, проведенного по заявлению мещанки Сухаржевской и рядового Осокина об антиправославных действиях ксендза Розентовского костёла Ясосса 1896 г.
27. Яноўская, В.В. Хрысціянская царква ў Беларусі. 1863–1914 гг. / В.В Яноўская. – Мінск: БДУ, 2002. – 199 с.
28. Токць, С. Беларуская вёска на мяжы эпох. Змены этнічнай самасвядомасці сялянства ва ўмовах распаду традыцыйнага грамадства (па матэрыялах Гарадзеншчыны XIX – першай трэці XX ст.) / С. Токць. – Гродна: ГрДУ, 2003. – 191 с.
29. Луцкевіч, А. Да гісторыі беларускага руху: выбраныя творы / А. Луцкевіч; [укл., прадм., камент., анатав. індэкс імёнаў А. Сідарэвіча]. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 2003. – 288 с.
30. Корвин-Милевский, И.-К.О. О реформе римско-католического духовенства в Северо-Западном крае / И.-К.О. Корвин-Милевский. – Вильно: Тип. Министерства внутренних дел, 1912. – 35 с.
31. Шавельский, Г.В. Русская церковь перед революцией / Г.В. Шавельский. – М.: Артос-Медиа, 2005. – 512 с.
32. Кожич, Н.М. Православие в Беларуси конца XIX – начала XX вв.: идейные установки и формы деятельности: автореф. дис... канд. философ. наук: 09.00.03 / Н.М. Кожич; Гос. науч. учреждение «Ин-т философии Нац. акад. наук Беларуси». – Минск, 2007. – 20 с.